

Николай Лесков

Белый орел

Николай Семёнович Лесков

Белый орел

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175221

Аннотация

«Есть вещи на свете». С этого обыкновенно у нас принято начинать подобные рассказы, чтобы прикрыться Шекспиром от стрел остроумия, которому нет ничего неизвестного. Я, впрочем, все-таки думаю, что «есть вещи» очень странные и непонятные, которые иногда называют сверхъестественными, и потому я охотно слушаю такие рассказы. По этому же самому, два-три года тому назад, когда мы, умаляясь до детства, начали играть в духовидство, я охотно присоединился к одному из таких кружков, уставом которого требовалось, чтобы в наших собраниях по вечерам не произносить ни одного слова ни о властях, ни о началах мира земного, а говорить единственно о бесплотных духах – об их появлении и участии в судьбах людей живущих. Даже «консервировать и спасти Россию» не позволялось, потому что и в этом случае многие, «начиная за здравие, все сводили за упокой...»»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	7
Глава третья	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Лесков

Белый орел

(Фантастический рассказ)

*Собаке снится хлеб, а рыба – рыбаку.
Феокрит (Идиллия)*

Глава первая

«Есть вещи на свете». С этого обыкновенно у нас принято начинать подобные рассказы, чтобы прикрыться Шекспиром от стрел остроумия, которому нет ничего неизвестного. Я, впрочем, все-таки думаю, что «есть вещи» очень странные и непонятные, которые иногда называют сверхъестественными, и потому я охотно слушаю такие рассказы. По этому же самому, два-три года тому назад, когда мы, умалаясь до детства, начали играть в духовидство, я охотно присоединился к одному из таких кружков, уставом которого требовалось, чтобы в наших собраниях по вечерам не произносить ни одного слова ни о властях, ни о началах мира земного, а говорить единственно о бесплотных духах – об их появлении и участии в судьбах людей живущих. Даже «консервировать и спасти Россию» не позволялось, потому что и в этом случае

многие, «начиная за здравие, все сводили за упокой».

На этом же основании строго преследовалось всякое упоминовение всуе каких бы то ни было «больших имен», кроме единственного имени Божия, которое, как известно, наичаще употребляется для красоты слога. Бывали, конечно, нарушения, но и то с большою осторожкой. Разве какие-нибудь два нетерпеливейшие из политиков отобьются к окну или к камину и что-то пошепчут, но и то один другого предостерегает: «*pas si haut!*»¹ А хозяин их уже назирает и шутя грозит им штрафом.

Каждый должен был по очереди рассказывать что-нибудь фантастическое *из своей жизни*, а как умение рассказывать дается не всякому, то к рассказам с художественной стороны не придирались. Не требовали также и доказательств. Если рассказчик говорил, что рассказываемое им событие действительно происходило с ним, ему верили или по крайней мере притворялись, будто верят. Такой был этикет.

Меня это больше всего занимало со стороны субъективности. В том, что «есть вещи, которые не снились мудрецам», я не сомневаюсь, но как такие вещи кому представляются — это меня чрезвычайно занимало. И в самом деле, субъективность тут достойна большого внимания. Как, бывало, ни старается рассказчик, чтобы стать в высшую сферу бесплотного мира, а всё непременно заметишь, как замогильный гость приходит на землю, окрашиваясь, точно световой луч, про-

---

¹ Не так громко! (*франц.*).

ходящий через цветное стекло. И тут уже не разберешь, что ложь, что истина, а между тем следить за этим интересно, и я хочу рассказать такой случай.

Глава вторая

«Дежурным мучеником», то есть очередным рассказчиком, было довольно высокопоставленное и притом очень оригинальное лицо, Галактион Ильич, которого в шутку звали «худородный вельможа». В кличке этой скрывался каламбур: он действительно был немножко вельможа и притом был страшно худ, а вдобавок имел очень незнатное происхождение. Отец Галактиона Ильича был крепостным буфетчиком в именитом доме, потом откупщиком и, наконец, благотворителем и храмоздателем, за что получил в сей брэнной жизни орден, а в будущей место в царстве небесном. Сына он обучал в университете и вывел в люди, но «вечная память», которую пели ему над могилой в Невской лавре, сохранилась и тяготела над его наследником. Сын «человека» достиг известных степеней и допускался в общество, но шутка все-таки волокла за ним титул «худородного».

Об уме и способностях Галактиона Ильича едва ли у кого-нибудь были ясные представления. Что он мог сделать и чего не мог, – этого тоже наверно никто не знал. Кондуит его был короток и прост: он в начале службы, по заботам отца, попал к графу Виктору Никитичу Панину, который любил старика за какие-то известные ему достоинства и, приняв сына под свое крыло, довольно скоро выдвинул его за тот предел, с которого начинаются «ходы».

Во всяком случае надо думать, что он имел какие-нибудь достоинства, за которые Виктор Никитич мог его повышать. Но в свете, в обществе Галактион Ильич успеха не имел и вообще не был избалован насчет житейских радостей. Он имел самое плохое, хлипкое, здоровье и фатальную наружность. Такой же долгий, как его усопший патрон, граф Виктор Никитич, — он не имел, однако, внешнего величия графа. Напротив, Галактион Ильич внушал ужас, смешанный с некоторым отвращением. Он в одно и то же время был типический деревенский лакей и типический живой мертвец. Длинный, худой его остов был едва обтянут сероватой кожей, непомерно высокий лоб был сух и желт, а на висках отливала бледная трупная зелень, нос широкий и короткий, как у черепа; бровей ни признака, всегда полуоткрытый рот с сверкающими длинными зубами, а глаза темные, мутные, совершенно бесцветные и в совершенно черных глубоких яминах.

Встретить его — значило испугаться.

Особенностью наружности Галактиона Ильича было то, что в молодости он был гораздо страшнее, а к старости становился лучше, так что его можно было переносить без ужаса.

Характера он был мягкого и имел доброе, чувствительное и даже, как сейчас увидим, — сентиментальное сердце. Он любил мечтать и, как большинство дурнорожих людей, глубоко таил свои мечтания. В душе он был поэт больше, чем

чиновник, и очень жадно любил жизнь, которую никогда во все удовольствие не пользовался.

Несчастье свое он нес на себе и знал, что оноечно и неотступно с ним до гроба. В самом его возвышении по службе для него была глубокая чаша горечи: он подозревал, что граф Виктор Никитич держал его при себе докладчиком больше всего в тех соображениях, что он производил на людей подавляющее впечатление. Галактион Ильич видел, что когда люди, ожидающие у графа приема, должны были изложить ему цель своего прихода, — у них мерк взор и подгибались колена... Этим Галактион Ильич много содействовал тому, что после него личная беседа с самим графом каждому была уже легка и отрадна.

С годами Галактион Ильич из чиновника докладывающего стал сам лицом, которому докладывают, и ему дано было очень серьезное и щекотливое поручение в отдаленной местности, где с ним и случилось сверхъестественное событие, о котором ниже следует его собственный рассказ.

Глава третья

– Не с большим двадцать пять лет тому назад, – начал ху-
дородный сановник, – до Петербурга стали доходить слухи о
многих злоупотреблениях власти губернатора П-ва. Злоупо-
требления эти были обширны и касались почти всех частей
управления. Писали, будто губернатор собственноручно бил
и сек людей; забирал вместе с предводителем для своих за-
водов всю местную поставку вина; брал произвольные ссуды
из приказа; требовал к себе для пересмотра всю почтовую
корреспонденцию – подходящее отправлял, а неподходящее
рвал и метал в огонь, а потом мстил тем, кто писал; томил
людей в неволе. А при этом он был, однако, артист; содержал
большой, очень хороший оркестр, любил классическую му-
зыку и сам превосходно играл на виолончели.

Долго о его бесчинствах доносились только слухи, но по-
том взялся там один маленький чиновник, который прита-
щился сюда в Петербург, очень обстоятельно и в подробно-
сти описал всю эпопею и подал ее сам в надлежащие руки.

История выходила такая, что хоть сейчас сенаторскую ре-
визию назначать. По-настоящему оно так бы и следовало, но
и губернатор и предводитель были на лучшем счете у покой-
ного государя, а потому взяться за них было не совсем про-
сто. Виктор Никитич хотел прежде обо всем удостовериться
поточнее через своего человека, и выбор его пал на меня.

Призывает он меня и говорит:

«Так и так, доходят вот такие и такие печальные вести, и, к сожалению, кажется, в них как будто есть статочность; но прежде, чем дать делу какое-нибудь движение, я желаю в этом поближе удостовериться и решил употребить на это вас».

Я кланяюсь и говорю:

«Если могу, буду очень счастлив».

«Я уверен, – отвечает граф, – что вы можете, и я на вас полагаюсь. У вас есть такой талант, что вам вздор говорить не станут, а всю правду выложат».

– Талант этот, – пояснил, тихо улыбнувшись, рассказчик, – это моя печальная фигура, наводящая уныние на фронт: но кому что дано, тот с тем и мыкайся.

«Бумаги все для вас уже готовы, – продолжал граф, – и деньги тоже. Но вы едете *только* по одному нашему ведомству... Понимаете, *только!*»

«Понимаю», – говорю.

«Ни до каких злоупотреблений по другим ведомствам вам как будто дела нет. Но это только так должно казаться, что *нет*, а на самом деле вы должны узнать *все*. С вами поедут два способных к делу чиновника. Приезжайте, засядьте за дело и вникайте будто всего внимательнее в канцелярский порядок и формы судопроизводства, а сами смотрите во всё... Призывайте местных чиновников для объяснений и... смотрите *построже*. А назад не торопитесь. Я вам дам

знать, когда вернуться. Какая у вас последняя награда?»

Я отвечаю:

«Владимир второй степени с короной».

Граф снял своей огромной рукою его известный тяжелый бронзовый пресс-папье «убитую птичку», достал из-под него столовую памятную тетрадь, а правою рукою всеми пятью пальцами взял толстый исполин-карандаш черного дерева и, нимало от меня не скрывая, написал мою фамилию и против нее *«белый орел»*.

Таким образом я знал даже награду, которая ожидала меня за исполнение возложенного на меня поручения, и с тем совершенно спокойный уехал на другой же день из Петербурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.